

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • ПОЛИТИКА

Парад суверенов

Обменяем демократические институты на демократические свободы!

Петр Саруханов / «Новая газета»

15:21, 19 января 2026,

Леонид Никитинский

обозреватель «Новой»

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Явление Дональда Трампа (трампизм) характеризуется фактической отменой концепции сдержек и противовесов, впервые закрепленной в Конституции США в 1787 году, а также шокирующей откровенностью realpolitik. В Конгрессе еще только обсуждается вопрос, была ли операция по захвату Мадуро законной, с их (США) точки зрения, но дело уже сделано, и суверен суверенной Венесуэлы — в руках судебной системы США. Если бы операция согласовывалась с Конгрессом, она оказалась бы просто невозможна.

Все понимают, что торговля наркотиками — скорее предлог, чем действительная цель специальной военной операции, но на поверхности она выглядит как причинение меньшего вреда ради предотвращения большего, то есть как действия, совершенные в условиях крайней необходимости.

Мадуро инкриминируется распространение кокаина на территории США — на этом основании его будут судить здесь и по законам этой страны. Это довольно сомнительная конструкция, обоснованная ссылками только на право США, и тем более это не делает законным сам захват — теоретически службы безопасности США должны были бы в этом случае обратиться к Венесуэле с требованием о выдаче Мадуро, а не выкрадывать его.

Таким образом, Трамп, действуя как глава (суверен) США, в этом месте и в это время отменил не только парламентские процедуры США, но и право Венесуэлы и международное право, защищающее суверенитет этой страны.

Эта и другие стремительные акции Трампа (арест танкеров

теневого флота, да мало ли чего еще от него ждать) можно трактовать как нарушение суверенитета других государств, а можно — по принципу «король умер, да здравствует король» — как становление новой конфигурации международного права, в которой США претендуют на роль «мирового жандарма». Будущее покажет, в какой мере эта претензия обоснована, но заявлена она достаточно откровенно.

Суверенитет размывается

Никто сегодня не предскажет международный расклад сил, каким он будет хотя бы лет через пять, но полезно взглянуть на сегодняшние тенденции сквозь призму таких понятий, как «суверенитет» и «суверен».

Внутреннее и внешнее содержание суверенитета обозначают границу, по которой разделяются национальное и международное право.

Суверенитет определяется как верховная власть суверена внутри национальных границ и независимость государства от других стран во внешних отношениях. Это политическое понятие, но реальное наполнение суверенитета зависит, в первую очередь, от экономики.

Можно представить условную динамичную карту суверенитетов, на которой сегодня выделенными окажутся США, объединенная Европа и Китай (а всего каких-то 40 лет назад место Китая занимал СССР). Но и их суверенитет не безусловен, так как все зависят друг от друга в такой степени, какой не наблюдалось прежде, — буквально на уровне запчастей. Альтернативой такой экономической взаимозависимости может быть продиктованная политическими мотивами автаркия, но вряд ли государство, занявшее изоляционистскую позицию, может успешно развиваться.

Фото: Zuma / TASS

На нашу «карту» должны быть нанесены сложные узоры двусторонних и многосторонних договоров, которые связывают государства друг с другом. Это и есть международное право,

согласно которому государства уступают часть своего суверенитета в обмен на гарантии соблюдения общих правил, военную помощь, экономическую поддержку и т. д.

Примером такого соглашения может служить Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года (Хельсинкское соглашение). В его рамках, в частности СССР, в обмен на экономические уступки взял на себя обязательства

(пусть и лицемерно) по соблюдению общепринятых на Западе прав и свобод человека. Сегодня вопрос о том, относятся ли права человека только к внутренней стороне государственного суверенитета или также к внешней, по-прежнему остается спорным (РФ в 2022 году заняла первую позицию, выйдя из Совета Европы).

Однако, в отличие от национального уровня, на международном нет «органов», которые гарантировали бы соблюдение ранее достигнутых соглашений и/или фактически сложившегося баланса сил. ООН парализована самой конструкцией Совета безопасности, постоянные члены которого накладывают вето на инициативы друг друга. Отдельные государства сами регулируют возникающие конфликты с помощью «мягкой» (в виде санкций) или жесткой вооруженной силы. Бомбардировки ядерных объектов Ирана авиацией Израиля и присоединившихся к ней США в отсутствие *casus belli* были оправданы в духе «крайней необходимости» — недопущения создания ядерного оружия в этой мало предсказуемой стране.

Современное международное право зародилось в виде договоров между государствами Европы и до последнего времени сохраняло «врожденный» ему европейский характер, неотъемлемым признаком которого является принцип равенства субъектов. В последнее время свои претензии на международной арене заявляют всё больше стран, где право понимается как иерархическое неравенство, но и прежде речь всегда шла лишь о формальном равенстве, а это не то же самое, что фактический баланс сил.

Глобализация мировой экономики поставила не только внешний, но и внутренний суверенитет стран со слабой или односторонне развитой экономикой под вопрос — на стороне более сильных концентрируется больше мягкой и жесткой силы, чтобы диктовать условия более слабым.

Экономический суверенитет отдельных государств размывается, но их политические претензии на этом фоне растут.

Суверены концентрируют власть в своих руках

В конституциях большинства стран, включая Россию, носителем суверенитета провозглашается «народ», но это фикция. После падения монархий, где статус суверенов опирался на традицию и религию, появилась необходимость заново обосновать понятие «суверена» как носителя высшей власти. Так родилась конструкция представительной демократии, в которой «народ» делегирует свой суверенитет прямо или косвенно избранному главе государства, и тот становится реальным сувереном. Он обретает не только контроль за принятием законов, но и «право» в случае крайней необходимости (неизменно «в интересах народа») отменять любое право.

«Народ» по определению не слишком компетентен и голосует за тех, кто щедр на обещания. Значение популизма увеличивается пропорционально росту влияния в массовом обществе СМИ и социальных сетей. Отчуждение между избирателями и избранниками растет, и последние замещают собой народ.

Однако такой суверен не свободен в выборе решений: он выбирает те, которые будут способствовать сохранению его популярности, — так что диктат «суверенов» — это, в конечном итоге, диктат толпы (охлократия).

Упадок парламентских и правовых процедур обусловлен объективно — взвинтившимся в XXI веке темпом политических

и экономических вызовов, за которыми стоят невероятные по прежним меркам изменения в технологиях. Власть, организованная по парламентскому принципу, просто не успевает на них реагировать.

Фото: AP / TASS

В этих условиях появление у руля государств фигур с характеристиками Трампа, включая его непредсказуемость и экстравагантность, это не слепая игра случая, а историческая закономерность. Однако такие фигуры честолюбивы и склонны к соперничеству друг с другом, что повышает риск международных конфликтов.

«Суверен», в сторону которого в этих условиях смещается реальная власть, между тем не гарантирован от ошибочных решений, которых сложная и детальная парламентская процедура позволяет избежать. В условиях ускорившихся изменений цена такой ошибки может оказаться огромной, а

ответственности за нее «суверен», как правило, не несет.

Права человека — последний рубеж демократий

Сегодня на земном шаре плохие условия для демократий. Это не значит, что раньше или позже зима опять не сменится летом, но время его наступления отсюда пока не просматривается.

Трамп почти открыто говорит, что демократические права и свободы для него — пустой звук. На самом деле то, через что он перешагивает в первую очередь, — это демократические институты. Флаг ему в руки: в условиях, когда суверены оседлали популизм и политические технологии, борьба за демократические институты на национальном уровне все равно теряет смысл.

Осмысленным остается отстаивание с общегуманистических позиций гражданских свобод — в первую очередь, слова, совести и собраний. Потому что путь к демократическим институтам известен с XVII века и один раз уже пройден — это медленный путь просвещения.

Стабильность и предсказуемость — не только результат применения права, но и его условие. В непредсказуемом мире никакое, в том числе международное, право невозможно. Когда, под каким флагом и ценой каких жертв установится новая нормальность (стабильность) — этого мы пока не можем знать — как и имени того, кто сменит президента Трампа спустя три года той турбулентности, которую генерирует его личный фактор.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Мир больше не плоский](#)

2026 год будет отмечен еще более ожесточенной борьбой за перекройку зон влияния внутри нового мирового порядка

11:01, 9 января 2026, Андрей Колесников*